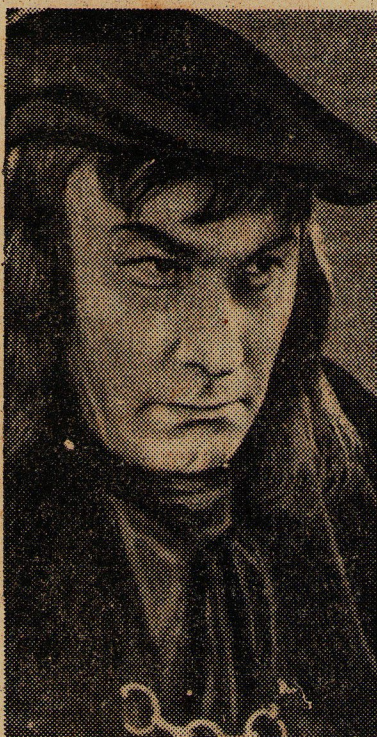

АКТЕРСКИЕ УДАЧИ

ЕГО ОТКРЫТИЕ ТРАГЕДИИ...

В. САМОЙЛОВ — Король Ричард III.

СПЕКТАКЛЬ начинается с паузы. ...На зеленой лужайке — Ричард, герцог Глостер. Он глядит на солнце. Перебирая пальцами, играет солнечными зайчиками и... молчит. Молчит минуту, другую, третью. И это сосредоточенное молчание завораживает. Есть что-то неудержимо притягательное в не красивом лице этого горбатого, кривоногого, хромого человека, в его глазах — насмешливых и сверлящих, в его губах — тонких, язвительных, на которых блуждает кривая, недобрая улыбка. О чем он думает так напряженной? Мы ждем.

Актер Горьковского театра драмы В. Самойлов как бы подчеркивает, что в его Ричарде нет ничего демонического, никакого «прирожденного злодейства». Решение «стать злодеем» — результат конкретных жизненных обстоятельств. Ричард — Самойлов умен, энергичен, отважен, он не находит себе применения под сенью «тщедушного мира». «Что делать мне?» — спрашивает он. И властолюбие, взращенное смутным, кровавым временем, подсказывает ответ: добыть трон. Цель для него, третьего сына короля, почти недостижимая, но оттого еще более желанная.

Решение принято. Герцог Глостер начинает игру, где ставка — жизнь, а выигрыш — власть.

«...Стража ведет в тюрьму Кларенса — брата Ричарда. Мы только что слышали, Кларенс будет первым из тех, кого погубит Ричард. Но как неподдельно удивлен Ричард — Самойлов! Как мастерски он «сдерживает», вздрагивая от еле сдерживаемых мужских рыданий! Он даже на мгновение «срывается»: рискуя навлечь на себя немилость, во всеулышание поносит королеву. Ричард говорит правду! Это очень ловкий ход — и правда в его устах превращается в орудие злодеяния.

А встреча с леди Анной!

Ричард — Самойлов спокоен и покорен судьбе. Он такой превосходный лицедей, что может позволить себе лишь намекнуть леди Ан-

не на бурю страстей, бушующую в его груди, оставаясь при этом сдержанным и почтительным. Он настолько точно изображает человека, который действительно любит и ради любви готов на убийство («Все это ради вас!» — твердит Ричард), что леди Анна не может устоять перед натиском его доводов, перед бурлящим темпераментом его мысли. Она верит, и вера губит ее, делая невольной сообщницей убийцы.

Но сколь ни блистательно его притворство, не это главный козырь. Ричард — Самойлов — тонкий знаток человеческих душ. Тут-то и заключена идея, которую воплощают в спектакле и артист, и режиссер Е. Табачников. Будь Ричард хоть «сверхчеловеком», говорят они, не смог бы он один осуществить свои страшные замыслы. Ричарда делает королем молчаливое попустительство окружающих.

...Вот неожиданно Ричард бросает лорду Хестингсу упрек в измене, кричит, кривляется, сразу не понять даже, всерьез ли это... А что скажут друзья Хестингса? Ричард выжидает. В случае чего, все можно обернуть шуткой. Но друзья молчат. Друзья предают Хестингса. И тогда Ричард наносит удар: «Казнить! Снять голову!». Однако за толстыми стенами замка — горожане, народ. Для них надо подыскать какое-то законное обоснование этой внезапной казни. Нервозный жест, которым тянет Ричард вдоль лица прядь длинных, жидких волос, выдает его растерянность. «Только спасая родину и жизнь свою, на быструю расправу мы решились». Получается это не очень убедительно. Однако представитель горожан — лорд-мэр — спешит поверить: бог с ним, с Хестингсом, были бы мы целы... И невдомек лордам, что, раз допустив беззаконие, они обрекли и себя.

...Одиноким, озлобленным, сидит на троне Ричард — Самойлов. Позади кровавый, устланный трупами, путь. Окружающие с ужасом глядят на короля, а он сам боится их всех. Его преступления развязали им руки, разбудили в них все темное. Что же дальше? Ричарду остается одно — продолжать убивать...

Однако нет уже у него былой энергии, нет жуткой веселости. Еще только раз блеснет жалкое подобие деятельности и борьбы. Это когда попробует он уломать Елизавету отдать за него дочь, сестру убитых им принцев. Еще одну победу одержит Ричард, но не принесет она упоения, как бывало прежде.

И трон свой он уже не в силах удерживать долее. Он соберет войско, отдаст распоряжения, но будет делать это механически, без вдохновения, без азарта. И даже знаменитое «Коня, коня, престол мой за коня!» прозвучит скорее как отголосок ночных кошмаров, чем как обещание боя и победы... Так погружает зрителей в водоворот жизни и преступлений Ричарда исполнитель этой роли В. Самойлов в спектакле Горьковского театра драмы «Ричард III». Театр и актер показывают зрителям подлинную трагедию — трагедию саморазрушения большой, яркой личности. Шекспировская пьеса звучит в полную шекспировскую силу.

Л. КАФАНОВА.